

П. О. Ильинский¹

ДОЛГОЕ МГНОВЕНИЕ

(Запоздавшая рецензия, которая продолжает оставаться злободневной)

Человек, погруженный в информационный мир современной цивилизации, не слишком отличается от обитателя Средних веков, ибо, подобно ему, живет среди самовоспроизводимых штампов. Сегодня россияне постепенно вступают в круг *цивилизованных* наций и потому подвергаются обвальному нашествию разнообразных «вечных истин». Российские клише могут совпадать с мировыми или им полностью противоречить, но их происхождение от этого не меняется. Преследующие беззащитного гражданина ходульные фигуры исторического дискурса являются либо заимствованием международных штампов, либо реакцией на них. Что бы ни писала русская пресса, чему бы ни учили в российских школах (тому, что Россия — вечно рабская, грязная и пьяная, или тому, что на протяжении столетий ее история была славной, героической и высокодуховной), в любом случае это — ответ на европейское, точнее западное, восприятие нашей родины. И роль историографии в воспитании подобных стереотипов никогда не была умеренной.

Еще в XVI веке в Московской Руси появились ростки течения, согласно которому заграничные идеи и знания, иноверцы и иноземцы, особенно пришельцы с Запада, изображались в исключительно мрачных тонах. Известно, что при идейных разногласиях сосед-еретик вызывает большую ярость, нежели далекий варвар-язычник, но такое объяснение кажется недостаточным. Ведь со второй половины XVI века стало ясно: наиболее сильным и опасным соседом Московского государства является Запад. Такое положение дел не изменилось до сих пор. Именно в Западе Россия видела главную угрозу своему существованию на протяжении всего XX века, и не совсем беспочвенно. Не умерли подобные рефлексии и сейчас, тем более что их в эгоистических целях подпитывают различные политические силы и талантливые провокаторы.

В таком же положении оказалась и Европа. Европейцы давно объясняют свои геополитические преимущества в религиозно-гносеологических терминах. Почему Европа сильнее всех, почему завоевала весь мир, почему европейцам принадлежит большинство научных, технологических и экономических открытий? Потому что европейцы самые трудоспособные, свободолюбивые и высокоморальные. Представители же других культур, пусть обладающих высокой мудростью, так и не научились ее, эту мудрость, применять, а потому живут в грязи и неустойчивости, а государства их — все как одно — деспотические и хилые. Ткни, особенно европейским штыком, — и развалятся.

¹ Ученый-биолог, поэт, прозаик, эссеист, преподаватель Бостонского университета (США). Автор книг: «Перемены цвета», «Резьба по камню: четыре повести о непрерывности времени», «Долгий миг рождения: опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.», «Легенда о Вавилоне», многочисленных научных и публицистических статей. Член редакционного совета поэтического альманаха на русском языке «Флейта Евтерпы» (Бостон).

Во всем этом много правды. Даже в самых абсолютистских странах Европы уровень личной свободы после 1648 года был выше, чем в любом государстве других регионов планеты, особенно в громадных империях Востока, являвшихся геополитическими конкурентами европейцев. И эти империи по очереди становились сателлитами, колониями или полуколониями Европы, за одним исключением. Какую же неуправляемо злобную реакцию вызывало у некоторых европейских интеллектуалов существование этого исключения!

Ведь эта империя не была технически развитой, не заботилась о правах граждан и не могла похвастаться прекрасной государственной организацией. Ее избыточный управленческий слой обладал сравнительно низкой квалифицированностью и эффективностью, а также был склонен к взяточничеству (то есть империя к тому же была воровская и коррумпированная). Но почему-то она упорно не желала разваливаться!

«Загадка России» всегда обсуждалась на Западе в терминах конкурентной борьбы. Ключ к российской государственной устойчивости искали в географии, национальной психологии или генетике — русской свирепости, покорности, терпеливости и воинственности, перемешанных в произвольных пропорциях, а также в православной догматике и татарском влиянии (первая при этом была «ригидной» или «обскурантистской», а последнее — «деспотическим»). События XX века только способствовали укреплению подобных стереотипов.

Россия платила Западу взаимностью, не раз и не два прибегая к его завистливому охаиванию. При этом значительная часть российского общества умудрилась заразиться западным взглядом на собственную страну, взглядом, за редким исключением, пристрастным и недружественным. Добавим, что так называемые патриоты в соответствии с третьим законом Ньютона настаивают на полной «положительности» родины и обеляют ее так, что глазам больно. Конечно, догм и штампов хватало и на Западе, но как же благотворно сказался на его истории отказ хотя бы от некоторых!

На борьбу с одним из подобных клише, точнее с целым их набором, и отправился более 10 лет назад Маршалл По. Удивительно, но выводы автора не только не устарели, но становятся все современнее, что называется, прямо на наших глазах. Монография называется «Российское мгновение мировой истории» (*Poe M. T. Russian Moment in World History. Princeton: Princeton University Press, 2003*)², и в самом ее начале По сразу сообщает, что «из множества глупостей, сказанных о русских, самым распространенным, возможно, является суждение о том, что они некоторым образом

² Название книги можно перевести как «Российское мгновение мировой истории» и еще двумя-тремя сходными способами. Например: «Российский эпизод мировой истории» или, наоборот, «Российская эпоха» — в зависимости от политической философии переводчика или издателя.

предрасположены к авторитарному способу правления». Другим широко распространенным ложным суждением, пишет он, является мнение о врожденной тенденции русских расширять свои границы путем завоеваний.

Причиной существования подобных воззрений, считает По, является историко-геополитический европоцентризм, рассматривающий под неверным углом отнюдь не одну Россию. И уже во вступлении По делает один из своих главных, простых и очевидных выводов: Россия — не Европа и не Азия, это отдельная цивилизация, зародившаяся на границе культуры европейской и в течение многих веков не только сохранившая идентичность, но и отстаивавшая свою независимость перед лицом постоянной агрессии.

М. По не оправдывает кровавых тиранов, не пишет с придыханием об «исторической миссии русской цивилизации». Его очки прозрачны, через них видны российская бедность и государственный милитаризм и многое другое. Но не надо путать оценку этих явлений с их объяснением. Для По негативные стороны российского исторического опыта есть часть естественного процесса, необходимая плата за культурную и политическую независимость перед лицом более развитого, лучше вооруженного и организованного агрессора.

Исключением в мировой истории (тут с По опять не поспоришь) является Европа. Именно здесь произошел промышленный переворот, был заключен Вестфальский мир. В XVI–XVII веках Европа стала мировым лидером. Понимание этого было свойственно европейцам давно. «Какими путями пришла Европа к культуре, как обрела она то достоинство, каким отмечена перед всеми другими народами?» — писал Гердер в 1791 году.

Во всем этом отнюдь не последнюю роль играли успехи военные. Огнестрельное оружие и регулярная армия перебросили человечеству мостик из Средневековья в Новое время и обозначили начало «европейской эпохи» мировой истории. Одним из ответов на «вызов Европы», и, согласно По, единственным успешным, стал «русский проект».

«Неевропейскость» России начала по-настоящему смущать историков ближе к середине XIX века (Гегель почти не упоминает Россию в «Философии истории»). Повлиял на это исход Наполеоновских войн, когда «мы очутились в Париже, а русский царь — главой царей»¹. Военная мощь и устойчивость империи перед лицом иноземного нашествия произвели большое впечатление на европейцев, но не менее впечатляли иные, несомненно средневековые, аспекты общественного бытия континентальной монархии. Тогда впервые потребовались обоснования российской «отсталости» и «инаковости» и того необычного синтеза, который они являли миру. В этом По вслед за другими авторами находит объяснение вниманию, ко-

торое начиная с середины XIX века уделялось татаро-монгольскому игу, якобы заставившему нашу родину свернуть с «западного цивилизационного пути». Признание того, что Россия не Европа, было слишком болезненным для российских мыслителей, пишет По (добавим — оно для них болезненно до сих пор), потому для объяснения реалий, нарушавших строй господствовавших философских идей, и родился «миф о татаро-монгольском иге».

Заметим, что при изложении истории средневековой Руси автора немного заносит. Это произошло потому, что ученый поставил себе задачу спорить со всеми и излагать сложные исторические процессы в одном-двух предложениях. Однако не хотелось бы останавливаться на мелких, пусть и режущих глаз, огрехах. Ведь наиболее доказательный тезис По выдвигает в главе, посвященной Руси постсредневековой (в соответствии с традиционной исторической терминологией, которая в отношении России не вполне адекватна). Руси, впервые вошедшей в близкий контакт с Западом — Западом Возрождения, Реформации и надвигающегося промышленного и экономического переворота.

Окончательно Московская Русь, считает По, сформировалась примерно в то же время, когда развитие европейской мысли и техники сделало Европу повелительницей мира. Тогда, в XVI веке, по всей планете было раскидано множество различных империй, которые автор объединяет термином «предсовременные», точнее — «империи раннего Нового времени» (premodern empires). Здесь можно с ним подискутировать, ибо, в отличие от постсредневековых Порты и Мин, государства ацтеков и инков являлись империями античными. Но главное наблюдение По неоспоримо: к XVIII веку почти все неевропейские государства потеряли свою независимость и только самые отдаленные и крупные лишились ее в XIX веке. В схватке с Европой устояла лишь Россия. Да, автор забыл про Японию, закрывшуюся от внешнего мира даже непроницаемее, чем допетровская Русь; да, Китай был европейской полуколонией недолго, но, опять-таки, не будем придирааться.

Колонизация часто выглядела неприглядно. Ни одним из «отсталых» народов потеря независимости не приветствовалась — ни инками, ни индусами. Почему же Россия должна была хотеть стать западной колонией? Или вассалом? Предвидеть, что ли, нужно было, как через 300 лет все обернется? Да и разве бывшие колонии живут ныне много лучше России?

Поэтому отстаивание Российского государства есть процесс естественный, природный, он не имеет «русской специфики». Всем хочется быть независимыми, не у всех получается. Тем интереснее, что, с точки зрения автора, метод обороны, выбранный российским правящим классом, оказался адекватным и успешным. Снова хочется сказать: подобная реакция была нормальной и объяснимой. По часто употребляет выражения: «российская элита поняла», «российская верхушка осознала», «русские уяснили». Читатель может решить, что развитие России — процесс продуманный, шедший по формуле «Царь решил, и бояре приговорили». Нет, Россия двигалась путем проб и ошибок.

¹ Краткое описание *Sitze im Leben* этих событий по отношению к созданию «русского мифа» см.: Ильинский П. О. О русской национальной идее и ее влиянии на отечественную историографию // Ильинский П. О. Долгий миг рождения. М., 2004. Детальное освещение данного периода идейной истории Российской империи см.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Не было, заметим, и другого — желания европейцев непременно завоевать Россию. Не забывает автор о географических факторах, в частности об отсутствии у России доступного для колонизаторов побережья. Наличие же громадной сухопутной границы было одновременно благом и злом. С одной стороны, она делала Россию уязвимой сразу на многих направлениях, а с другой — требовала от агрессоров длительных экспедиций и страховала страну от гибели даже после тяжелых военных поражений.

Но не только географией объясняет автор историческую устойчивость России. Основным фактором, считает он, стала абсолютная монархическая власть, оказавшаяся способной принять комплекс военно-политических мер, обеспечивших целостность России перед лицом технически превосходящего противника. К таким мерам относились закрытие границ, принятие на службу ограниченного контингента иностранных военных-наемников, создание сословия прикрепленных к земле служилых людей и бесперывное стремление отодвинуть границы от жизненных центров государства. Таким образом, «используя мобилизационные и организационные средства самодержавия, московский воинский класс вознамерился и оказался в состоянии осуществить то, чего не смогли или не захотели сделать инки, ацтеки, турки-османы, Сефевиды, Великие Моголы или империя Цинь: трансформировать общество для защиты своих интересов». Результатом этого процесса «стало возникновение общества, невиданного в истории человечества, история которого связана исключительно с Россией и с ее борьбой против Европы». Существование такого общества и составляет «русский период мировой истории».

По справедливо возражает тем, кто, говоря о российской истории, употребляет исключительно пораженческие термины. Напротив, считает он, Россия преуспела. Россияне на протяжении пяти столетий сумели сохранить свое государство (в отличие от остального неевропейского мира), опираясь только на собственные ресурсы и уникальную политическую систему, вне сомнения, авторитарную. Неудачей существование России, заключает автор, можно признать с европейской точки зрения, но никак не с русской. «Лучшее государственное устройство для любого народа — это то, которое сохранило его как целое», — заметил по этому поводу Мишель де Монтень.

Парадигма допетровского времени повторилась после технологической революции рубежа XVIII–XIX веков. Во второй четверти XIX века Европа вновь сделала невероятный скачок вперед, после чего индустриальные государства поделили мир. Эти события поставили перед Россией новые проблемы, которые остро обозначило ее поражение в Крымской войне. И Россия начала их решать. Сейчас очевидно, что она делала это довольно успешно. Однако времени не хватило, результатом чего стала катастрофа Первой мировой войны, после чего к власти пришла группа самых радикальных реформаторов — единственная политическая сила, оказавшаяся способной сохранить цельное государство и окончательно его модернизировать.

Модернизированное коммунистами общество в свою очередь вновь проиграло геополитический поединок обществу постиндустриальному. После этого произошла еще одна катастрофа, но уже меньшего, чем в 1917–1918 годах, масштаба, ибо она не сопровождалась иноземным вторжением, что завершилось, согласно По, отказом от продолжения «русского проекта» в 1991 году. Правящий класс, пишет он, потерял веру в систему, которая так долго и надежно ему служила. Однако итог «русского мгновения» вовсе не кажется автору отрицательным. «Русская тропа», пишет он, вела к развитию и просвещению, пусть не в самой лучшей форме, но это все равно было колоссальным улучшением; «россияне эры модернизации и те, кто пошел за ними по тому же пути, жили лучше, дольше и безопаснее, чем их предки. Признание этого факта не может послужить извинением или оправданием жестокости статичной модернизации. Скорее это может сделать “русский момент” более объяснимым для будущих поколений».

Вопрос, который возникает при размышлениях о русской цивилизации, — ее асимметричность, кажущаяся вечной и необоримой. С одной стороны, деспотизм, а с другой — просвещенный; с одной стороны, Академия наук с Эйлером и Ломоносовым, а с другой — крепостное право; с одной стороны, город на костях, а с другой — самый красивый в мире; с одной стороны, матушка-государыня, а с другой — похотливая сучка; с одной стороны, Королев и Ландау, а с другой — лубяньские подвалы (где они оба успели побывать); с одной стороны, русские оказались в Берлине, а с другой — сколько миллионов их соотечественников не смогли увидеть ни своих внуков, ни даже детей?

Не нужно мучиться от этой двойственности или обсуждать ее в терминах религиозных, пытаясь выяснить, что именно наслал Всевышний на Россию — кару или благословение? Не следует также искать объяснение в водке, климате и истории XVI столетия. У исторической и культурной асимметрии российской цивилизации вполне естественные причины.

Рядом с Россией всегда был самый сильный в мире противник, не только военный, но и философский, у которого хочется не только многому научиться, но и доказать, что сам не дурак. И при этом не перестать быть самим собой, сыном своих родителей, сыном своей земли. Еще важнее, говорил Дон Кихот (может быть, величайший из созданных западной цивилизацией образов), быть «сыном своих дел». Виновата ли Россия в том, что на протяжении многих веков пыталась быть «дочерью своих дел», как пытается и сейчас?!

Но что заимствовать? В смысле не индивидуальном, а общественном, государственном? Вот, кажется, каков еще один главный российский вопрос. Политически активные слои общества и правящий класс отвечают на него по-разному, и это впервые проявилось 14 декабря 1825 года. Эта проблема не была разрешена, что привело сначала к перевороту 25 октября 1917 года, а потом к 19 августа 1991-го. Революция в России — отнюдь не ошибка истории, а логичный ее поворот, говорящий об отсутствии общественного согласия, причем по самым животрепещущим вопросам.

События 1917 года не стоит переосмысливать, как нельзя оправдывать невероятные преступления, совершенные режимом большевиков. Смешно отрицать, что при коммунистах в России была успешно проведена индустриализация. Да и устояла бы молодая демократическая Россия во Второй мировой войне, когда рухнули почти все европейские демократии? Но очевидно, что в дальнейшем так называемая социалистическая система оказалась бесплодной, ибо в ней отсутствовал механизм восприятия государством нужд общества — обратная связь между управляемыми и управляющими. 19 августа 1991 года Россия решила, что ей необходима такая связь.

Немудрено, что ни свободной печати, ни многопартийности в России за несколько лет создать не удалось (у Запада на это ушло гораздо больше времени). Будет счастьем, если это удастся сделать за одно-два десятилетия. Мучиться этим не нужно, надо работать. И в конце концов — от цивилизации остается лишь культура, а по этому параметру Россия никому не уступает. Но чтобы и далее культурно развиваться, Российское государство должно быть крепким и устойчивым, то есть демократическим, открытым и эффективным.

Поэтому, на наш взгляд, автор книги ошибается, говоря, что события 1991 года символизировали отказ России от своего пути. Просто Россия созрела для заимствований социальных институтов Запада, ибо иначе она может навечно остаться догоняющей, асимметричной. Речь не идет о слепом подражании, об отказе от себя — ни сейчас, ни потом. Ни сегодняшним россиянам, ни их потомкам не следует стремиться под общий благоустроенный гребень, становиться выхоло-

щенными и малокровными. Впрочем, вряд ли у России такое будущее: слишком много у нее нерешенных проблем и открытых границ. Да и сомнительно, что грядущие времена обойдутся без ранее неведомых вызовов, причем не обязательно геополитических. Например, история борьбы со СПИДом и атипичной пневмонией, попытки противостоять надвигающейся пандемии гриппа явственно доказывают, что таким угрозам может противостоять только западная научная система, поэтому эффективное финансирование образования и науки и их *свободное развитие* по западному образцу (но не трафарету) являются вопросами безопасности Российского государства.

Несмотря на существующие на Западе предрассудки, только от самой России зависит, когда соседи станут воспринимать россиян как равных. Кстати, европейцы в этом заинтересованы больше других: в союзе с Россией они могли бы создать жизнеспособную суперсистему, объединяющую опыт и мощь, консерватизм и безоглядность, страсть к порядку и стремление к звездам. Ради такой перспективы стоит трудиться. Это гораздо привлекательнее и реальнее, чем «победа коммунизма во всем мире» или сохранение мифической русской соборности или богоизбранности. Безусловно, западные социальные и цивилизационные инструменты невозможно механически перенести на российскую почву; их надо кропотливо приспособлять к российским реалиям. Конечно, это не получится по мановению руки. Торопиться не нужно, но и медлить опасно.

Поэтому «российский проект» продолжается. И пусть еще много веков длится «российский день»: мы не лучше других, но и не хуже. Мы — другие, и нам не должно быть за это стыдно.